

Рассказ скачан на сайте <http://eromo.org>

Название: Восхождение. Часть 1: Стыд

Знаете что такое стыд? Стыд за самого себя, стыд за своё существование.

Когда ты месяцами сидишь на этих убогих сайтах знакомств. Лайкаешь и счвайпаешь пока не потратишь всю дневную норму. Прорываешься сквозь тонны не отвеченных сообщений, а то и ловишь насмешки в ответ.

И вот когда ты через все это прошел, все таки завязал общение, то начинается новое испытание. Надо выслушивать неинтересную тебе информацию, гуглить и подстраиваться. Искать как же поддержать разговор, мучительно выжимать из себя вопросы и надеяться получить новые зацепки. И между этим всем ещё постоянно узнавать настроение и обсуждать погоду.

С таким трудом вырываешь себе встречу. А она... Она не приходит. Телефон молчит, онлайн была давно. Стоишь, ждешь. Переминаешь телефон. Ноги начинают уже ныть, чувство неловкости и стыда достигают апогея и ты уныло идешь домой.

Вот тут и начинается моя история.

Для начала о моей внешности. Вытянутое еврейское лицо, темные кудри, модная бородка. Лицо мое умное, но при этом отталкивает. Я не то чтобы не любил как я выгляжу. Я не любил этот мир, который ко мне так несправедливо относится из-за внешности. Я начал жалеть себя. Опять не удалось, опять все сначала. Жалось перешла в ненависть. Эта ненависть была неконкретная, неточная. То я ненавидел себя, то её, то мир, то сайты, то нынешние времена.

Приближаясь к дому я увидел рослую светловолосую девушку лет двадцати пяти Она жила в той же многоэтажке, изредка я её видел. Высокая, густые светлые волосы. Идет твердо, четко передвигая свои круглые крутые бедра. Грудь, хоть и небольшая, но выпечена вперед и подчеркнута декольте. А её сразу невлюбил, лет пять назад когда я впервые увидел её она была с каким-то качком.

Ненависть начала быть конкретной и переключаться только на неё. Это мои руки тогда были должны лежать на её талии, а не этой обезьяны. В морей голове начали мелькать мысли. То я срываю с неё одежду и привязываю к дереву чтобы заживо сжечь. То подвешиваю на веревках и наносю неглубокие порезы на коже. Чтобы кожа кусками отходила от тела и висела на лоскутах. Тем самым превращая эту бабу в живой окровавленный кочан. Или просто беру кусок арматуры и начинаю её забивать, ломая руки, проламывая череп. А вот она лежит на доске, а я словно фокусник опускаю пилу на её нежную тонкую талию. И конечно же насилие. Во всех возможных позах. Привязанную, отключенную или даже бездыханную.

За что ей все это? За то что женщина. За то что красивая женщина. За то что не моя женщина. От ненависти меня уже начинает трясти, глубокое дыхание, бешено бьется сердце. Становится легче. Меня отпускает. Такие картины всегда вызывают во мне эмоции, но потом мне становится хорошо.

И опять не работает лифт. Обычно в такие моменты я быстрым шагом поднимался по лестнице, лишь бы не плестись за кем-то. Но не сегодня. Я поднимался вслед за соседкой, женщиной лет 35. Средний рост, малый бюст, но зато довольно мясистая жопа, звали её Мадина. И на душе сразу так приятно. Мерное покачивание ягодиц. Туда-сюда, туда-сюда. Первая удача за весь день. У меня даже была особая техника. Надо смотреть в области колен чтобы никто не сказал что ты извращенец, но при этом концентрироваться на виде жопы и

идти в одном ритме.

Так я незаметно для себя дошел до этажа. После такого зрелища возвращение к реальности было болезненным. Мадина стала открывать свою дверь, но повернулась на меня. Я машинально хотел отвести глаза, но сегодня во мне что-то щелкнуло. Рука словно начала жить своей жизнью и моя ладонь резким хлопком обрушилась на лицо Мадины. Время замерло, я дал своей соседке звонкую пощечину. Никакого раскаяния, никакого страха, мыслей не было вообще. В следующий миг мои руки сомкнулись на её шее. Я давил, я мям пальцами. Какое же приятное ощущение. Я словно черпаю силу прямо руками, или принимаю лучший в мире антидепрессант. Я был полностью сконцентрирован только на своих руках и её шее. Но картина мира стала постепенно расширяться. Я увидел её лицо. Красное, жадно хватающее воздух. Глаза начали бродить, грудь, талия, руки. Стоп... руки? Они просто свисали. Она даже не попыталась защититься от пощечины, не пыталась меня оттолкнуть или разжать мои руки.

Осознание того, что она никак не сопротивляется стало для меня болезненным, даже оскорбительным. Словно я такое ничтожество, что даже страх смерти не заставит её обратить на меня внимание. Накрыла волна стыда, ударила испарина. Я разомкнул руки, она стала медленно сползать по стенке, и начал пятиться назад. Дрожащими руками я оставил ключи, резко вбежал в квартиру и рухнул на пол.

Моя жизнь в большом городе была ошибкой. Дураки ищут в них какое то счастье. Они наивно полагают. Что чем больше людей, тем больше можно найти общения. Чем больше мест для посиделок, тем лучше будет отдых. Москва большой город, очень большой. Можно бесконечно бродить то пор старым улочкам, которые видели ещё наших далеких предков, то по свежестроенным спальным районам. Можно встать на историческую площадь, а можно на пустырь. Можно зарыться в глубь метро, а можно плыть по течению реки. Смотреть на небоскребы, которые устремились ввысь, или на двухэтажные поместья, которые построил себе когда-то какой-то важный человек. От всего этого я испытывал ужас. Словно каждое здание хотело меня сломать.

Истинный облик открывается постепенно. Я помню как впервые увидел Красную площадь, был уже вечер. Величественные стены, башни, красивые купола. Словно страна сказок спустилась на землю. А потом я начал ходить, много ходить, смотрел на окна и как в них отражались фонари.

Через неделю я вернулся днем и от той магии не осталось и следа. Вокруг я видел лишь убожество. Толпы фотографов любителей, ряженные клоуны. Я быстро покинул площадь и пошел. И словно оказался внутри бетонной пещеры. Куда не посмотри — вокруг всё мертвое. Камень начинается под ногами и вздымается до самого неба.

Улицы забиты. Толпы незнакомцев, кто-то группами, кто-то поодиночке мчатся по камню, словно отходы по канализации. На их лице читалась жестокость, читалось жизнь в этой мерзкой реальности. Никакой мечтательности, только равнодушие.

Какое им всем было до меня дело? До того, чье сердце не принадлежало камню, а стремилось на просторы полей и лугов.

В этом месте невозможно творить, лишь заживо гнить. Это даже не город. Города остались на картинках столетней давности. Тут нет ничего от тех истинных городов. Это человеческий отстойник. Абсолютно мертвое место. Когда я это понял, то несколько дней не мог заставить взять в рот ни крошки. Меня воротило, хотелось лишь видеть это всё в огне. Я перестал

выходить из дома в дневные часы без резкой необходимости. Только мрак хоть как-то помогал приукрасить реальность. Это и держало меня на плаву.

Мои размышления прервал звонок в дверь.